

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 30—37.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 30—37.

Научная статья

УДК 82.0

DOI: 10.46726/И.2023.3.4

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЛИГИИ В ЖАНРЕ АНТИУТОПИЧЕСКОГО РОМАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Лев Олегович Мысовских

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, levmisov@yandex.ru

Аннотация. Автор статьи утверждает, что общества в антиутопических романах Замятина, Хаксли и Оруэлла представляются в глубоко религиозной парадигме. Антиутопические общества организованы по теистическому шаблону, к которому присоединяются суррогаты бога, новые грехи и ереси. Во всех рассмотренных романах обнаруживается антиутопический бог, выступающий в качестве пародии на иудео-христианского Бога. Антиутопические боги-суррогаты являются социальной силой, значимой для писателей, поэтому антиутопический бог представляется центральной фигурой во всех проанализированных романах. Антиутопический бог страдает комплексом неполноценности, так как он не является Богом-творцом. Следовательно, он представляет собой всего лишь социальную силу и осуждает любую деятельность, не сосредоточенную на себе. Требование неперестанного и исключительного уважения граждан отличает антиутопического бога от Бога христианского. Можно утверждать, что общество становится антиутопичным, поклоняясь идолам. Замятин, Хаксли и Оруэлл в целом не воспринимают христианство в качестве угрозы или спасения от будущей опасности. Реальную опасность представляют социальные принципы, которые идолопоклоннически закреплены в христианском религиозном шаблоне. Антиутопические общества не просто структурированы по христианской модели, включая религиозные церемонии, фигуры богов и священников, но и сюжеты романов повторяют христианскую историю: главный герой, будучи в раю, совершает грех и отпадает от благодати, в результате чего сталкивается с выбором между проклятием и спасением. Писатели-антиутописты находят, что наибольшую опасность для общества представляет социально-политическое идолопоклонство, являющееся антиутопической заменой христианству.

Ключевые слова: антиутопия, роман, жанр, религия, христианство, идолопоклонничество

Для цитирования: Мысовских Л.О. Особенности представления религии в жанре антиутопического романа первой половины XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 30—37.

Original article

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF RELIGION IN THE GENRE OF THE DYSTOPIAN NOVEL OF THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Lev O. Mysovskikh

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, levmisov@yandex.ru

Abstract. The author of the article argues that societies in the dystopian novels of Zamyatin, Huxley and Orwell are presented in a deeply religious paradigm. Dystopian societies are organized according to a theistic template, to which God's surrogates, new sins and heresies join. In all the novels considered, a dystopian god is found, acting as a parody of the Judeo-Christian God. Dystopian surrogate gods are a social force that is significant for writers, so the dystopian god appears to be the central figure in all the analyzed novels. The dystopian god suffers from the inferiority complex, since he is not a creator God. Consequently, he is just a social force and condemns any activity that is not focused on himself. The demand for the unceasing and exclusive respect of citizens distinguishes the dystopian god from the Christian God. It can be argued that society becomes dystopian by worshipping idols. Zamyatin, Huxley and Orwell generally do not perceive Christianity as a threat or salvation from future danger. The real danger is represented by social principles that are idolatrously fixed in the Christian religious template. Dystopian societies are not just structured according to the Christian model, including religious ceremonies, figures of gods and priests, but the plots of the novels repeat Christian history: the main character, being in paradise, commits sin and falls from grace, as a result of which he faces a choice between damnation and salvation. Anti-Utopian writers find that the greatest danger to society is socio-political idolatry, which is a dystopian substitute for Christianity.

Keywords: dystopia, novel, genre, religion, Christianity, idolatry

For citation: Mysovskikh L.O. Features of the representation of religion in the genre of the dystopian novel of the first half of the twentieth century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 30—37.

Роман-антиутопию можно считать феноменом XX века. Но и сегодня антиутопические романы продолжают пользоваться широкой популярностью у читателей. Антиутопические романы рисуют воображаемые общества. Однако они имеют неприятное сходство с реальностью, в которой живет сам читатель. Это сходство позволяет автору критиковать различные тенденции в своем обществе, распространяя их на будущий мир, изображенный в антиутопии. В антиутопиях исследованию обычно подвергается социально-политическое устройство общества. При этом отношение данного жанра к религии упущено из виду. В частности, современные исследователи объясняют этот факт тем, что в антиутопических романах социально-политическое идолопоклонство становится суррогатом традиционной религии [Мысовских], отказ от изображения которой в романах вызван крахом религиозной веры [Павлова], произошедшим в европейском обществе первой половины XX века. Также отмечается влияние новых религиозных «доминант, архетипов и мифов массового сознания на генезис и историческое функционирование антиутопии» [Покотыло: 137]. Тем не менее сложно назвать работу, в которой было бы представлено комплексное исследование религиозно-мифологических структур в классических антиутопиях, включая хрестоматийные романы, хотя в них можно найти достаточно примеров, когда антиутопические общества представляются в глубоко религиозной парадигме. Общества,

изображенные в этих романах, структурированы вокруг узнаваемого теистического шаблона, дополненного суррогатами бога, новыми грехами и ересями. Большинство этих обществ отошли от религий прошлого.

В начале романа Джорджа Оруэлла «1984» Уинстон обдумывает прошедшую двухминутку ненависти, которая аналогична религиозной службе. На данном мероприятии всегда обсуждали Эммануэля Голдстейна. Это «первый изменник, главный осквернитель партийной чистоты. Из его теорий произрастали все дальнейшие преступления против партии, все вредительства, предательства, ереси, уклоны» [Оруэлл: 12]. Кроме того, Голдстейн написал книгу всех ересей, которую можно рассматривать как антикатехизис. Участники двухминутки ненависти, доведенные до исступления страхом и отвращением при виде Голдстейна, внезапно сталкиваются с образом Старшего Брата, правителя Океании. Их облегчение наступает немедленно. Одна из женщин, всхлипывая, произносит: «Спаситель мой!» и молитвенно вздымает руки к экрану. В отличие от сатанинского Голдстейна, у Старшего Брата есть отчетливые приметы бога. Оруэлл намеренно подчеркивает, что Старшему Брату поклоняются. Старший Брат — это воплощение Партии, что делает ее также божественной.

В Океании христианство вымерло. Теперь одинаково преступно быть верующим, капиталистом и извращенцем. Христианство ассоциируется с классом капиталистов и такими мерзостями, как ряженые епископы и судьи, паразитирующие на теле общества. Христианство в романе представлено как социально-политический институт, который действовал во многом так же, как и Партия, хотя и менее успешно.

Последователи Голдстейна придерживаются собственного катехизиса. О'Брайен проводит Уинстона и Джулию через своеобразную исповедь, перед тем как ввести в Братство. Позже в романе О'Брайен признается, что участвовал в изготовлении книги Голдстейна, и когда Уинстон спрашивает его, реально ли Братство, О'Брайен говорит, что он никогда этого не узнает. Партия — это религия сама по себе. Уинстон представляет Партию как «преданный идее орден, который творит зло во имя добра» [Оруэлл: 232]. О'Брайен раскрывает ее истинную природу, когда говорит: «Мы — жрецы власти... Бог — это власть» [Там же: 233].

«Принципы новояза» наиболее четко описывают религиозные императивы. Что требуется от члена партии, так это мировоззрение, аналогичное мировоззрению древнего еврея, который знал, не зная ничего другого, что все народы, кроме его, поклонялись ложным богам. Ему не нужно было знать, что этих богов звали Ваал, Энлиль, Осирис или Молох. Чем меньше он знал о них, тем лучше для его ортодоксальности. Он знал Иегову и его заповеди; поэтому он знал, что все боги с другими именами или другими атрибутами были ложными богами. Партия сохраняет строгую бдительность в отношении всех видов ереси и неортодоксальности и настолько привержена своей версии реальности, что перевоспитывает еретика, прежде чем казнить его. Океания — это место, где христианство было отвергнуто, но где его место заняла новая и еще более тоталитарная религия. Подкрепленная религиозными церемониями, жреческим сословием, образом бога и сатаны, эта религия поносит христианство, которое ей предшествовало, и неустанно преследует любую неортодоксальность среди граждан Океании.

В романе «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли первый признак религии появляется в сцене, где директор Инкубатория и Воспитательного Центра проводит экскурсию, являющуюся ярким примером «религиозно-мистической коммуникации» [Гаврикова: 442], которая довольно часто обнаруживается в антиутопических романах. Объясняя практику гипнопедии, обучения во сне,

директор упоминает, что ее экспериментальное использование началось еще когда Господь наш Форд был на земле. Далее после ссылки на модель Т Господа нашего Форда директор и его ученики осеняют свои животы знаком Т, который в Дивном новом мире заменяет крестное знамение. Точно так же, как Христос принес Благую Весть о спасении, так и Форд внедрил конвейерный процесс, который привел к созданию Инкубатория, фабрики по производству людей. У Форда есть и собственная библия «Моя жизнь и работа». Форд является своеобразной сатирой на Иисуса. Однако поклоняются Форду всерьез, потому что его сборочная линия действительно дала человечеству своего рода спасение. Главноуправитель Мустафа Монд говорит: «Без стабильного общества немыслима цивилизация» [Хаксли: 60—61]. Стабильность — это спасение цивилизации, и Форд принес эту стабильность на землю.

Граждане Мирового Государства обязаны посещать религиозные службы, так называемые сходки единения. Каждая группа состоит из двенадцати человек: шесть мужчин и шесть женщин, — усаживающихся в порядке чередования. Все принимают таблетки сомы и пускают по кругу чашу с жидкой сомой (наркотиком, вызывающим эйфорию), прислушиваясь в ходе процесса к явлению Высшего Организма. Когда участники чувствуют Его присутствие, начинается ритуальный танец, в ходе которого звучат слова об искуплении и окончательном единении. Очевидно, что таблетки и чаша сомы пародируют христианскую Вечерю.

Христианство неизвестно большинству граждан Мирового государства. В Дивном Новом мире христианство рассматривается не как политический институт, подлежащий отмене, а как ненужное и отвратительное явление, отнимающее у людей счастье. Сомы служит прекрасной заменой христианства, обладая всеми его преимуществами и не имея ни одного из его недостатков. В малых дозах сома обеспечивает добродетельное терпение, доброжелательность, которые ранее требовало христианство; в больших дозах вызывает эйфорию и галлюцинации.

В индейской резервации можно обнаружить конкурирующую религиозную систему. Хранитель рассказывает Бернарду и Линайне, что дикари сохранили «чудовищные суеверия... христианство, тотемизм, поклонение предкам» [Там же: 143]. Позднее герои смогут сами увидеть индейскую религиозную церемонию, которая проводится в угоду Пуконгу и Иисусу, чтобы пошел дождь и выросла кукуруза. Индейцы одинаково поклоняются изображению Иисуса на кресте и Пуконга в образе орла, девы Марии и Этсанатлеи — вечно молодой женщины. Однако для Джона религия — это прежде всего поиск истины. Когда Джона вводят в цивилизованное общество, он требует от Мустафы Монда объяснить, почему, если Монд знает о Боге, он не рассказывает о нем своим гражданам? Их последующая дискуссия показывает всю степень неуместности христианства для Дивного нового мира. Мустафа Монд предполагает, что Бог, вероятно, существует, но он не нужен. Монд цитирует философа Мэна де Бирана: «От Бога можно не зависеть, лишь пока ты молод и благополучен; всю жизнь ты независимым не проживешь» [Там же: 317]. Но благодаря Форду жители Дивного нового мира теперь молоды и благополучны до самого конца, следовательно, независимы от Бога, и Бог больше не нужен. Религия нужна человеку для того, чтобы возмещать его утраты. Но когда утрат нет, то и религиозность излишня.

Бог в принципе несовместим с техникой, медициной и счастьем, потому что он требует самоотречения, «но индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний» [Там же: 321]. Мировое государство не отменило христианство; скорее, посредством социальных

изменений и технологий оно устранило точки соприкосновения христианства с повседневной жизнью. Христианство исчезло, как исчезла бы религия в индейской резервации, если бы туда пришла цивилизация. У государства не было необходимости объявлять религию вне закона. Вместо этого религию сделали неуместной и заменили идеальными суррогатами, поклонением Форду и сомой.

В романе Евгения Замятина «Мы» у людей больше нет имен, их называют буквенно-числовым обозначением. Все граждане живут в одном городе, который отгорожен зеленой стеклянной стеной от мира природы. В этом мире математического счастья Д-503 строит космический корабль под названием «Интеграл», чтобы принести спасение жителям других миров. Богом здесь является Единое Государство, которому поклоняются при помощи гимнов и различных церемоний, являющихся празднованием «победы всех над одним, суммы над единицей» [Замятин: 58]. Воплощением Единого Государства выступает Благодетель, который четко не описывается. На одних церемониях Благодетель изображается как верховный жрец, на других как новый Иегова. Благодетель часто устраивает зрелища, прилетая самолетом или увешиваясь цветами. Подданные его любят, за исключением, конечно, предателей Разума. Религию в Едином Государстве преподают роботы-священники. Д-503 вспоминает, как священник излагал текст, а студенты повторяли за ним.

Д-503 говорит о старом Боге христианства в основном уничижительно. Литургии Единого Государства похожи на церковные службы древних, «но они служили своему нелепому, неведомому Богу — мы служим лепому и точнее-шим образом ведомому; их Бог не дал им ничего, кроме вечных, мучительных исканий: их Бог не выдумал ничего умнее, как неизвестно почему принести себя в жертву, — мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству, — спокойную, обдуманную, разумную жертву» [Там же: 58]. Люди-цифры уверены, что древний Бог — это плод воображения, он не обитает на небесах, которые есть ничто. Если древний Бог создал древнего человека способным совершать ошибки, значит, Бог сам совершил ошибку. Современный же человек совершенен. Д-503 испытывает большее уважение к таблице умножения, чем к древнему Богу, так как таблица умножения никогда не ошибается.

Тем не менее Д-503 все же видит некоторые хорошие качества в христианстве, а именно то, что церковь понимала силу и величие объединенного стада и выступала его пастырем. Какой бы невежественной и отсталой ни казалась церковь Д-503, он признает, что даже она осознавала, что «Мы» — от Бога, «Я» — от дьявола. Таким образом, в Едином Государстве дьявол побежден окончательно и бесповоротно. «“Мы” — это сам Великий инквизитор, “имя которому — легион”: сначала это бесы революции, а потом — обожествленный вождь и обожествленное государство» [Казнина: 165]. Однако для Д-503 все не так просто. Его счастливые отношения с О-90 разрушаются из-за его увлечения И-330, являющейся олицетворением неподчинения Единому Государству. Д-503 влюбляется и перестает подчиняться логике и собственной совести. В конце концов он узнает, что И-330 является членом революционной организации, представляющей собой одновременно конкурирующую религию. Члены этой секты поклоняются энергии, в отличие от древних христиан, которые поклонялись энтропии, и граждан Единого Государства, поклоняющихся социальной стабильности. В качестве спасения от тлетворного влияния сектантов Единое Государство отправляет своих граждан на обязательную Великую Операцию по уничтожению центра фантазии в мозгу, после которой счастьем людей-цифр уже ничто не сможет угрожать, так как, по словам Благодетеля, после Великой Операции люди попадают в рай.

Таким образом, в романе «Мы» изображен мир, в котором государственная религия полностью вытеснила христианство. Старая религия теперь отвергается как ошибочная. И главная ошибка в том, что Бог существует. Новая религия беззастенчиво атеистична. Люди поклоняются Единому Государству, даже осознавая, что это всего лишь искусственное образование. Тем не менее индивидуальные порывы подрывают социальный порядок, в результате чего религию будут практиковать лоботомированные автоматы, лишённые фантазии, какой-либо индивидуальной, независимой мысли вообще.

Чтобы сделать временные рамки своих романов более достоверными, романисты-антиутописты обычно пытаются установить преемственность между «настоящим» романа и «настоящим» читателя, включая в текст тематические элементы, которые читатель может распознать. Поэтому антиутопические романы по-прежнему разворачиваются на Земле, по-прежнему затрагивают людей и изображают узнаваемые социальные структуры. Более того, современные обыденные предметы все еще присутствуют в антиутопических обществах, например, автомобили, дома и кинотеатры. Поскольку все три проанализированных романа были написаны авторами, которые жили в обществах с институциональным христианским присутствием, можно ожидать, что, рассказывая свои истории, эти авторы будут включать упоминания о институциональном христианстве. Авторы проанализированных антиутопических романов сосредотачиваются на христианстве, потому что христианство является наиболее значимой религиозной силой в их обществах. Это одновременно и самая влиятельная религиозная система, и наиболее узнаваемая для читателя. Однако в рассмотренных романах христианство в том виде, в каком мы его знаем, является лишь утешающим воспоминанием.

Ни один автор и ни один главный герой не рассматривают возвращение к институциональному христианству как какое-либо решение проблем своего общества, так как институциональное христианство само создает социальные проблемы. Для главных героев антиутопических романов возвращение к христианству было бы скорее регрессивным, чем прогрессивным. Даже для самого религиозного персонажа — дикаря Джона — христианство является лишь помехой его мечтам о романе с Линайной и в конечном счете толкает его на самоубийство. Антиутопическое общество может быть плохим, но христианство так же плохо, если не хуже. Главные герои рассматривают христианство не как благородную жертву антиутопического угнетения, а скорее, как коррумпированную, устаревшую или неуместную систему.

При этом антиутопический бог присутствует во всех трех романах и является пародией на иудео-христианского Бога. Антиутопические боги-суррогаты представляют социальные силы, значимые для писателей, поэтому антиутопический бог на самом деле является центральной фигурой в каждом романе. Именно он создает антиутопическое общество. Антиутопический бог, в отличие от христианского Бога, часто открыто тоталитарен. Антиутопический бог страдает своего рода комплексом неполноценности, потому что он не является Богом-творцом. Следовательно, он представляет собой всего лишь социальную силу и осуждает любую деятельность, не сосредоточенную на себе. Такое требование полной любви, непрерывного и исключительного уважения всех граждан существенным образом отличает антиутопического бога от Бога христианского. То есть можно утверждать, что общество становится антиутопичным, поклоняясь идолам.

Помимо социальных сил, в антиутопических романах часто используется личность, которая служит дальнейшим воплощением божества. В романе

«О Дивный Новый мир» — это Форд; в «Мы» — Благодетель, который примерно аналогичен египетскому фараону-богу; а в «1984» это Старший Брат, которого считают Спасителем. Все они либо находятся в настоящее время в мире, либо были на земле в какой-то момент истории.

Концепция греха является естественным следствием любого вероучения, которое исповедует божественный моральный стандарт. Однако в антиутопических обществах считается, что человечество вернулось к простодушию Адама и Евы. В результате получается второй Рай, в котором не может быть греха. Признанный знаток творчества О. Хаксли — В.С. Рабинович — считает, что особенности жанра антиутопии «предусматривают исправление последствий самого первородного греха — и, значит, возвращение людей к состоянию до грехопадения, к райскому блаженству» [Рабинович: 51]. Каждое из антиутопических обществ берет свое начало в какой-то разрушительной войне, уничтожившей старую цивилизацию. Потом создается новое, совершенное общество, которое будет существовать вечно. Поскольку новое общество, являясь эквивалентом рая, совершенно, то грех должен исчезнуть. Однако герои романов грешат, и это служит доказательством того, что антиутопическое общество на самом деле несовершенно.

Учитывая тот факт, что цель антиутопического романа — повысить осведомленность читателя о современных социальных тенденциях и опасностях, можно ли считать христианство их предметом? Скорее, нет. Хотя все три романа были написаны в обществах с сильным христианским институциональным присутствием, они не распространили влияние христианских институтов на мир антиутопии. Тут христианство либо вымерло, либо вымирает. Замятин, Хаксли и Оруэлл в целом не рассматривают христианство как будущую опасность или будущее спасение от опасности. Скорее, социальные принципы, идолопоклоннически закрепленные в христианском религиозном шаблоне, представляют реальную опасность. Изученные антиутопические общества не только построены по христианской модели, включая фигуры богов, священников и религиозные церемонии, но и их сюжетные линии также следуют христианской истории: главный герой живет в Раю, но из-за греха отпадает от благодати и в конечном итоге сталкивается с окончательным выбором между спасением и проклятием. В своих романах авторы антиутопий используют структуру, теологию, мифологию и язык христианства, чтобы показать, что самая большая опасность для человечества заключается в социально-политическом идолопоклонстве, в создании антиутопической замены христианству.

Список источников

- Замятин Е.И. Мы. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2010. 365 с.
Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989. 277 с.
Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2018. 350 с.

Список литературы / References

- Гаврикова Ю.С. Жанровая интертекстуальность в англоязычных антиутопиях // Научные записки ОГИЭТ. 2011. № 2 (4). С. 441—443.
(Gavrikova Ju.S. Genre intertextuality in English-language dystopias, *Nauchnye zapiski OGIJeT*, 2011, no 2 (4), pp. 441—443. — In Russ.)

- Казнина О.А. Е.И. Замятин и религиозно-философская антиутопия (критика социального утопизма в творчестве Е.И. Замятина и Н.А. Бердяева) // Соловьёвские исследования. 2015. № 3 (47). С. 157—170.
(Kaznina O.A. E.I. Zamyatin and religious and philosophical dystopia (criticism of social utopianism in the works of E.I. Zamyatin and N.A. Berdyaev), *The Journal "Solovyov Studies"*, 2015, no 3 (47). pp. 157—170. — In Russ.)
- Мысовских Л.О. Закономерности возникновения и трансформации жанра романа-антиутопии // Наука и школа. 2022. № 6. С. 11—19.
(Mysovskikh L.O. Regularities of the emergence and transformation of the genre of the novel-dystopia, *Science and School*, 2022, no 6, pp. 11—19. — In Russ.)
- Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004. 472 с.
(Pavlova O.A. *Metamorphoses of literary utopia: a theoretical aspect*. Volgograd, 2004, 472 p. — In Russ.)
- Покотыло М.В. Литературная антиутопия в системе жанровых дефиниций // Гуманитарные исследования. 2012. № 3. С. 136—141.
(Pokotylo M.V. Literary dystopia in the system of genre definitions, *Humanitarian Researches*, 2012, no 3, pp. 136—141. — In Russ.)
- Рабинович В.С. Утопия и антиутопия XX века: опыт интерпретации (к проблеме изучения в старших классах) // Филологический класс. 2003. № 9. С. 49—53.
(Rabinovich V.C. Utopia and dystopia of the twentieth century: the experience of interpretation (to the problem of studying in the senior classes), *Philological Class*, 2003, no. 9, pp. 49—53. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 06.11.2022; approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Мысовских Лев Олегович — аспирант филологического факультета, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, levmisov@yandex.ru

Mysovskikh Lev Olegovich — post-graduate student at the Philological Faculty, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, levmisov@yandex.ru